

местные говоры и традиции поморской культуры, а с другой стороны, уже просматривались черты нового социалистического быта, установившегося в 1920-е годы.

Особенность словаря – это исключительное внимание к реалиям культуры и быта Поморья, что делает его ценным этнографическим источником. Если в традиционных диалектных словарях (например, «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей») крещенская горка представлена расплывчато как ‘большое зимнее гулянье’, то у Дурова приводится замечательное детальное описание ее устройства и использования вплоть до градуса уклона, длины ската и даже стоимости билета. С такой же детальностью описаны детские игры (ст. Гусьями играть), рыболовные принадлежности, особенности традиционной одежды (ст. Дельница). Приводятся сведения по народной медицине, приметы (ст. Ворон, Дождь), поверья (ст. Голик, Голова). В качестве иллюстраций использованы загадки (Долгий Макар по суметам скакал – кочерга), пословицы и поговорки (Мало де’ло ложка, была бы воложка), идиоматические выражения (Гурья спробовать ‘ничего не выловить’, двувесельная лодка ‘лыстец’). Из образцов фольклорных текстов привлекают внимание фрагменты обрядовых песен и причитаний, тексты заговоров, большое количество частушек.

Для понимания того, как складывалась историко-культурная зона Поморья, существенен анализ диалектной лексики с позиций ее истоков. Она содержит убедительные примеры новгородской традиции (грамота ‘письмо, записка’, лада ‘сердечный друг’, мытница ‘прачка’). В то же время заметный пласт материала – это слова с прибалтийско-финскими корнями, свидетельствующими не просто об активных контактах с карельским и, возможно, вепским населением, но и об обрусении (через этап двуязычия) прибалтийско-финских насельников края. На это указывает большое количество экспрессивных глаголов (варайдать, венгать, войдать, гомайдать, горайдать, гумайдать, гурайдать и т. д.), а также наличие языковых калек (например, обращение к детям дай носа значит ‘поздоровайся’ и восходит к карел. antoa n’okkoa, букв. ‘дать носа’, то есть потереться кончиками носов с ребенком в знак приветствия).

Будучи изданным, словарь И. М. Дурова не просто пополнит ряд диалектных словарей, но и будет востребованным и авторитетным источником по истории и культуре Поморья.

И. И. Муллонен,

доктор филологических наук, старший научный сотрудник, директор ИЯЛИ КарНЦ РАН

В. П. Кузнецова,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН

КОЛЛЕКЦИЯ РУКОПИСНЫХ КНИГ КАРЕЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Коллекция рукописных книг Карельского государственного краеведческого музея включает сегодня 65 единиц хранения (XVI–XX веков). В ее состав входят богослужебные (в том числе певческие) и литературные сборники, Зерцало духовное, Устав о христианском житии, Псалтирь простая и следованная, Требник, Триодь цветная, Златоуст годовой, Евангелие учительное, старообрядческие сочинения, синодико-помянники. Наиболее ранние рукописи: Псалтирь с воследованием в списке 1-й половины XVI века, вероятнее всего, северного происхождения, поскольку в следованную часть входят тропарь и канон Александру Свирскому, и Триодь цветная в списке 2-й половины XVI века с продажной и вкладной записями 1589 года. Литературные сборники включают жития святых, древнерусские повести, апокрифы, выписки из Пролога, патериков и разнообразный другой материал. В музее имеются списки житий Варлаама Керетского, Трифона Печенгского, Петра и Февронии Муромских, Послания Василия Новгородского о рае, повестей о царе Аггее, о видении Антония Галичанина, о Тимофее Владимирском, о царице Динаре, о видении некоему мужу духовну Терентия и некоторые другие произведения древнерусской литературы. Интересна также писцовая запись 1720 года в одном из сборников, представляющая собой отрывок из былины о вражеском нашествии, типа «Илья Муромец и Калин-царь» и «Васька-пьяница и Кудреванко-царь». Ценность этого небольшого текста в том, что он является пока единственным свидетельством бытования былин на Курострове – на родине М. В. Ломоносова, когда ему было всего девять лет. Имеются в рукописном собрании музея и сочинения старообрядческих авторов: Поморские ответы, Пятая Соловецкая челобитная и другие. Сборник № 1324/3 составлен В. Д. Шапошниковым (1713–1783) – известным книжником старообрядческой Выговской поморской пустыни. Рукопись представляет собой сборник нравоучительных выписок (преимущественно из Священного Писания и Отцов Церкви), которые объединены в главы, расположенные по алфавиту. Неизвестное старообрядческое странническое сочинение входит в состав рукописного сборника середины XIX века № 25455. Оно начинается Исусовой молитвой и содержит выписки со ссылками на Евангелия и Апокалипсис с толкованиями, Апостол, Кормчую, сочинения Григория Богослова, Симеона Нового Богослова и многие другие книги. В тексте развиваются традиционные для страннической литературы темы бегства из мира, исповедания веры перед властями, принятия милостыни или отказа от нее. В музее хранится также уникальная подборка заонежских синодиков-помянников XVII–

XIX веков – всего 32 рукописи. Книжечки небольшого формата, в простых кожаных переплетках, все эти помянники принадлежали крестьянам, проживавшим на о. Кижи и в соседних поселениях (деревни Корба, Потаневщина, Кургеницы, Боярщина, Шлямино и т. д.). Заонежские помянники свидетельствуют о высокой духовной культуре местных крестьян, о почитании ими своих предков, о семейной памяти, глубоко, на многие поколения, уходящей в историю рода. Данные источники могут быть интересны для изучения местной ономастики, топонимии, истории заонежских крестьянских родов.

А. В. Пигин,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета ПетрГУ

КАРЕЛЬСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ПЛАТОНОВА

Впечатления Андрея Платонова от нашего края, его природной мощи и самобытной национальной культуры оформились в два шедевра платоновской прозы – рассказы «Среди животных и растений» (1936) и «Сампо» (1943).

В середине 1930-х годов продолжают напряженные раздумья Платонова о возможностях социалистической жизни. Исключительно важен для ее понимания рассказ «Среди животных и растений», который имеет несколько вариантов: «Среди животных и растений», «Лобская гора», «Стрелочник», «Жизнь в семействе». Два первых – рукописные варианты (без цензурной правки). Платонов специально приезжал в Карелию в творческую командировку в 1936 году для встречи с ударником социалистического строительства, кавалером ордена Красной Звезды стрелочником станции Медвежья Гора Кировской железной дороги И. А. Федоровым. Он и стал прототипом главного героя. В рассказе сохранена карельская топонимика: Лобская гора, Медвежья Гора, Петрозаводск, главный карельский гидроним – Онежское озеро.

Рассказ готовился для коллективной книги о героях-железнодорожниках, однако не попал в нее как лишенный героического пафоса. Это был большой государственный заказ Союзу писателей от нового наркома путей сообщений Л. Кагановича: «Создать “Чапаева” железнодорожного транспорта». Обсуждение рассказа Платонова состоялось на заседании редколлегии 13 июля 1936 года, где он подвергся резкой критике: язык, стиль, сюжет, философия – все оказалось неприемлемым. Спор со временем в произведении развернулся по принципиальным вопросам: отношение искусства к действительности, правда, герой, смысл жизни. Поэтому Платонов продолжает борьбу и публикует рассказ в 4-м

номере журнале «Индустрия социализма» за 1940 год под названием «Жизнь в семействе». В качестве научного термина лексема «семейство» хранит память о первом названии «Среди животных и растений»: семейство – общая категория в систематике растений и животных, объединяющая близкие по происхождению роды.

«Среди животных и растений» («Жизнь в семействе») можно рассматривать как рассказ о становлении личности. Оба названия «напоминают» двух забытых цивилизацией воспитателей человека – природу и семью. Рассказ открывает описание леса, которое становится метафорой социально-исторической жизни. Сложный организм леса хранит и предлагает на выбор человеку разные модели жизни: терпеливое стояние дерева, незаметное существование насекомых, жизнь птиц, травоядных животных, хищников. Что выберет человек, вступающий в мир леса под защитой и с угрозой ружья? Рассказ «готовит» художественные формулы «прекрасного и яростного мира» и «особенности человека», столь важные в последующем творчестве А. Платонова. Повествователь ведет речь о «населении» леса, где у каждого животного свое «лицо» и «биография». Тварный мир наделен антропоморфными чертами – не только внешними, но и внутренними – душа, сознание. В художественном фокусе автора – не природный источник зла в социуме, а гуманистический потенциал природы, и дуальная (зоосоциальная) природа человека – главный источник зла. При этом речь у Платонова идет о «хороших людях». Главный герой рассказа – народный интеллигент, с сердцем и совестью, с потребностью «иметь в душе понятие об истине жизни». Из истины «противоречивого» существования (зоологическая/социальная природа человека, мечта/реальность, ум/чувство, душа/тело и т. д.) нельзя выйти, но в жизни можно и должно нравственно определиться. Человек, по убеждению отца Федорова, передающего сыну народный опыт жизни, идет в лес с ружьем «по бедности» или «по глупости». Охота «по бедности» – потому что человек плотояден, ограничен в своих возможностях, потому что непереносимо его социальное существование и надо избыть накопленное зло. Охота «по глупости» – это если люди «били зверя с любовью» и при этом «чувствовали себя начальниками, благодаря ружью». Охота «по глупости» становится в рассказе перифразом «героического социализма», где «великие люди... трясут всю судьбу». Пространство советской жизни в рассказе не выглядит цельным, оно разъято на здесь (жизнь на разъезде) и там (социалистический город): «Там была наука, слава, высшее образование, метрополитен, а здесь лес, животные, семейство, обычная вещь, но нужно пока терпеть и не ссориться». Пространственная оппозиция там/здесь представляет не только социальную драму настоящего, но и вечный разрыв между реальностью и мечтой. Главный герой ищет слу-